

Высшее профессиональное образование
БАКАЛАВРИАТ

М. П. КОТЮРОВА

СТИЛИСТИКА НАУЧНОЙ РЕЧИ

*Учебное пособие
для студентов учреждений
высшего профессионального образования*

2-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр «Академия»
2012

УДК 82.085(075.8)
ББК 81.2-5я73
К735

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент Московского гуманитарного педагогического института *Т. В. Павловец*;
доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета *Л. В. Кушнина*

Котюрова М. П.

К735 Стилистика научной речи : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. П. Котюрова. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 240 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-8509-8

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (квалификация «бакалавр»).

В пособии рассматриваются основные термины и понятия, фонетические, словообразовательные и стилистические особенности лексики письменной научной речи. Говорится о принципах формирования индивидуального стиля речи ученого и основных подходах к редактированию научного текста.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 82.085(075.8)
ББК 81.2-5я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Котюрова М. П., 2010
© Котюрова М. П., 2012, с изменениями
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2012
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2012

ISBN 978-5-7695-8509-8

*Моему учителю
Маргарите Николаевне Кожиной,
профессору Пермского университета,
с безграничной признательностью*

ВВЕДЕНИЕ

Факторы, благоприятные для научного творчества

Первой предпосылкой научного открытия является страстная жажда познания [Селье, 1987]¹. При этом необходимо накопление фактов. Вот почему лингвисту необходимо слушать речь, читать тексты с определенной целью. Следующая стадия — вызревание идеи в процессе притяжения ассоциаций из разных областей знания.

Научная идея соотносится со смелой догадкой. Научные догадки подтверждают мысль о том, что не существует логического научного метода, гарантирующего решение научной проблемы. Многое зависит от интуиции и воображения ученого, даже от случая. Главное — в оригинальности подхода к проблеме и остроте наблюдения. Как говорил С. И. Вавилов, нельзя запланировать открытие — оно всегда неожиданно. Но возникает оно из разумно поставленного и тщательно проведенного исследования.

И еще. Нельзя не согласиться с точкой зрения, высказанной министром образования Российской Федерации В. М. Филипповым: «Чем более жесткие требования будет выдвигать перед человечеством природа, тем большее значение будут приобретать человеческие способности, дарования и качества. В этом смысле XXI век призван стать веком человеческих качеств».

Общие положения. Функциональная стилистика — толерантное научное направление. Она сформировалась в духе идей великих предшественников в области языкознания — как отечественных, так и зарубежных, плодотворно развивается благодаря креативному усвоению эмпирических и теоретических достижений разных наук. Функциональная стилистика как эмпирически и теоретически обоснованное лингвистическое направление включает активно развивающийся раздел — стилистику научной речи (научного текста). Становление этого раздела осуществлялось, несо-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках ссылки на источники. — (См. список литературы).

менно, в рамках функциональной стилистики, формирование же очень быстро потребовало выхода за пределы собственно лингвистической области знания.

И это легко объяснимо: развитие науки неизбежно вызвало интерес к изучению самой научно-познавательной деятельности и научного текста в качестве средства не только ее осуществления, но и закрепления, накопления и хранения продукта этой деятельности — научного знания. Это привело к зарождению и активному расширению междисциплинарной проблематики, объединившейся в особую отрасль — науковедение, граничащее, в свою очередь, с эпистемологией, или теорией научного познания, психологией научного творчества, логикой познавательной деятельности и др. Научный текст как объект функционально-стилистического изучения является средостением формирования по существу *целостного знания*, дифференцированного лишь с целью объяснения вновь установленных обобщений посредством других, уже получивших обоснование.

Так, источником идей для стилистики научной речи служат прежде всего теория познания, науковедение, синергетика, логика и психология научной деятельности, а также смежные с функциональной стилистикой сегменты лингвистического знания — лингвистика текста, когнитивная лингвистика, стилистика текста, психолингвистика, социопсихолингвистика и др.

Эти и другие, неназванные, научные направления не только *не отменяют*, но даже и не заменяют целей и задач, которые ставятся стилистикой (всегда через призму индивидуального, неповторимого видения проблем и путей их решения). Функциональная стилистика, во-первых, *обогащается* новыми научными фактами, полученными в процессе изучения обширного языкового материала; во-вторых, в общих и частных дискуссиях *формирует* методологический аппарат, конкретизирует комплекс проблем — одним словом, создает целостный познавательный образ функционального пространства языка. При этом важно отметить конструктивный по содержанию и толерантный по форме характер самих дискуссий в функциональной стилистике. Для примера приведем широкоизвестную дискуссию в журнале «Вопросы языкознания» 1954 — 1955 гг., которая по существу дала толчок формированию самой функциональной стилистики (см. анализ в: [Соловьева, 2008]). Несмотря на то что обсуждались принципиально важные для стилистики понятия *стиль языка*, *стиль речи*, *стиль художественной литературы* и др., участники дискуссии не оказались «в пылу (пламени) полемики» — сжигающем порой как ценные идеи, так и столь необходимые в интеллектуальной деятельности морально-этические качества личности.

Обращение к достижениям предшественников, прежде всего в области языкознания, а также и смежных наук, свидетельствует, по меткому выражению болгарского лингвиста Е. Вучевой, «не о соперничестве между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают эпистемологический статус, а о возможности дополнения и взаимодействия в рамках единого антропологического подхода к речевой деятельности» и тексту.

Толерантность функциональной стилистики как научного направления, можно считать, проявляется и в ее открытости — готовности содействовать решению прикладных задач. Так, функциональной стилистикой была выдвинута идея стилевой дифференциации языка. Не менее важно и то, что теория функциональных стилей была воспринята и широко используется методикой преподавания русского языка не только как родного, но и как иностранного.

В связи с внедрением новых образовательных стандартов возникает потребность в учебных пособиях нового поколения, ориентированных на формирование у студентов компетенций для успешной профессиональной деятельности. В этом плане функциональная стилистика является теоретическим фундаментом для овладения литературным редактированием — весьма перспективным: в современной социокультурной и языковой ситуации редакторская деятельность становится одним из чрезвычайно значимых и социально востребованных аспектов работы филолога. Этим объясняется включение в данное пособие раздела по редактированию научных текстов.

Когнитивно-функционально-стилистический подход к тексту позволяет найти решение целого ряда юрислингвистических задач [Котюрова, 2008]. В частности, мы предлагаем конструктивный путь решения вопроса об авторстве текста *научно-технической* статьи в связи с судебной лингвистической экспертизой. (Вопрос: Внес ли *М* вклад в *написание* статьи, опубликованной в соавторстве с *Н*?) Экспертная ситуация предполагает определение индивидуальных особенностей стиля речи каждого соавтора, что традиционно являлось одной из предметных областей функциональной стилистики.

Ограниченные возможности судебно-экспертного исследования неизбежно ориентируют на формирование минимального комплекса когнитивно-функционально-стилистических установок: 1) анализируются целые тексты научных статей; 2) тексты, не подвергавшиеся профессиональному (хорошему) редактированию, сохраняющие особенности *естественной* научной речи; 3) выявляются отклонения от эталонной научной речи, приводящие к *погрешностям*, под которыми, в отличие от орфографических и пунктуационных ошибок, понимаются неоправданные отступле-

ния от нормативного словоупотребления, конвенциональных правил словосочетания, формирования композитивных словосочетаний, порядка слов и т. д. [Котюрова, Баженова, 2007:19].

В любой области научного знания, в том числе и в стилистике научной речи, имеется много нерешенных и спорных вопросов, касающихся содержания даже основных понятий. Поэтому необходимо уточнить представление о статусе функциональной стилистики в кругу смежных дисциплин, объяснительной силе функционально-стилистической теории, содержании понятий *функциональный стиль* и *дискурс*, их соотношении со стилистикой научной речи.

В современной лингвистической науке преимущественно принимается определение функциональной стилистики в формулировке М. Н. Кожина: «Функциональная стилистика — это лингвистическая наука, изучающая особенности и закономерности функционирования языка в различных видах речи, соответствующих тем или иным сферам человеческой деятельности и общения, а также речевую структуру складывающихся при этом функциональных стилей и нормы отбора и сочетания в них языковых средств» [Кожина, 1972:11].

Как видим, функциональная стилистика решает проблемы жизнедеятельности языка на достаточно высоком уровне обобщения при абстрагировании от конкретной, реальной речи (см.: сфера деятельности, закономерности функционирования, структура стилей и др.). В связи с этим интересно следующее суждение немецкого ученого Фридриха Кликса: «Самым существенным результатом мышления является образование и фиксация в памяти *различного уровня абстракций*. Подобно ступенькам лестницы, обозначения способствуют введению все более абстрактных понятий... При помощи этой “лестницы” человеческое мышление может и подниматься, и опускаться, выбирая самые различные ступени абстракции... В таком движении лежит источник творческого мышления, т. е. основа тех процедур, посредством которых человек может создавать новое знание (курсив мой. — М. К.)» [Кликс, 1983:13 — 14]. Представляется, что именно движение по «лестнице абстракции», условно говоря, «сверху вниз» обуславливает формирование взаимосвязанных направлений лингвистики — функциональной стилистики и (тоже функциональной) стилистики научной речи.

Для функциональной стилистики определение базовых стилообразующих факторов и выявление их воздействия на формирование того или иного функционального стиля речи сыграли роль, которую трудно переоценить. Однако в настоящее время перед стилистикой научной речи — не без влияния смежных наук — встают задачи, которые обусловлены снижением уровня абстракции самого предмета изучения и тем самым приближени-

ем к автору текста как субъекту познавательной-коммуникативной деятельности. Новые аспекты изучения научной речи порождают исследовательские затруднения.

Как известно, содержанием научной речи, зафиксированной в виде текста, является научное знание. Знание — это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в процессе познания в определенную упорядоченную систему. Интерпретацией процесса познания занимается когнитивная наука. При этом чрезвычайно важно то, что «интерпретация процесса познания... неоднократно претерпевала изменения. Если вначале акцент делался на... логический аспект оформления полученной информации, то в последнее время и сам процесс познания, и формы его выражения получают иную трактовку» [Абиева, 2007: 217]. Именно об «иной трактовке» научного знания писал В. В. Петров: «До недавнего времени... обработка информации жестко ассоциировалась только со структурами знаний, игнорируя тем самым “образную” компоненту человеческого мышления» [Петров, 1995:7].

В связи с этим возникает первое затруднение: стилистика научной речи неизбежно сталкивается с необходимостью учитывать контекст, окружающий речь. Это приведет «к своего рода глобализации исследования, т. е. учету влияния на речь всех сторон жизни человека, его ауры, ибо речевая деятельность связана со всеми другими видами деятельности человека» [Кожина, 2005:62].

Второе затруднение имеет методический характер: в частности, очевидно, что необходима, но пока не может быть осуществлена, дифференциация стилистики на авторскую и адресатную (с учетом ролей участников речи — [Шмелева, 1997:304]). Поэтому следует отметить, что, стремясь к последовательному изложению авторской стилистики, мы лишь спорадически в объяснительной части обращаемся к положениям (в настоящее время, можно сказать, вполне возможной) адресатной стилистики.

Стилистика научной речи «под зонтиком речеведения» (М. Н. Кожина, Т. В. Шмелева и др.) имеет широкий спектр возможностей построения; в частности, излагаемая концепция посвящена описанию функционально-стилистического варианта письменноречевой коммуникации в науке.

О предмете стилистики научной речи

Стилистика научной речи ориентирована прежде всего на письменную форму. Она отвечает на ряд «запросов»: выявить содержательную, или смысловую, структуру многомерного пространства научной речи; определить единицы анализа смысловой структуры научного текста; рассмотреть средства оформления этих

единиц; очертить контуры стилей изложения научного знания; объяснить закономерности формирования этих стилей в пределах единого научного функционального стиля русского языка.

Объяснительный подход к научной речи является актуальным и предпочтительным, так как он лежит в русле современной лингвистики, которая, по замечанию А. Е. Кибрика, «вплотную подходит к рубежу, когда автономный описательный подход себя изживает... Устройство языковых объектов таково, что их невозможно правильно выделить, проанализировать и в конечном счете описать безотносительно к их функциональной природе. Исходя из того, естественно ожидать, что на смену *как*-лингвистике придет *зачем/почему*-лингвистика, в основе которой будет лежать примат объяснения» [Кибрик, 2003:103]. В связи с этим можно считать, что те или иные свойства содержания текста с целью их изучения можно представить в форме конструкторов, с которыми можно производить различные ментальные операции (усложнять, упрощать, обращать на него пристальное внимание/не замечать, игнорировать/абстрагироваться, выбирать ракурс, смотреть снаружи, проникать внутрь, дифференцировать, объединять элементы, обобщать и др.).

Стремление рассмотреть сам объект изучения (текст) посредством метода, определяющего способы и приемы «подступа» к материалу, реализуется либо в общем взгляде на текст как целостность с присущими ей свойствами, либо во взгляде, фокусирующем тот или иной компонент с присущей ему совокупностью общих и частных свойств. При этом именно общий, «объемный» взгляд оживляет смысл, приближает текст к его создателю и тем самым позволяет рассмотреть его как интеллектуальную жизнь и — еще уже — научно-познавательную деятельность автора. Такой общий подход открывает широкие возможности для выявления и квалификации особенностей речи, их сопоставления и обобщения.

Разработка проблем стилевой семантики неизбежно сталкивается с понятием горизонтального (линейного, синтагматического) и вертикального (обобщенно-смыслового) контекста. Горизонтальный контекст обуславливает наличие таких свойств текста, которые интерпретируются в качестве текстовых категорий связности, логичности, точности (см. главу 4), а вертикальный — наличие субтекстов [Баженова, 2001]. При таком подходе к стилевой специфике содержания целого текста допустимо утверждать, что стилевую семантику можно дифференцировать на разных основаниях, и прежде всего определять оппозитивные и неопозитивные различия (в функциональной грамматике см.: [Бондарко, 2003]), зафиксированные текстовыми категориями точности, критичности, метафоричности речи.

(Уточним: технология построения того или иного стиля изложения не является нашей целью; разработка такой технологии может послужить основой формирования особого научного направления — лингво-когнитивной стилистики.)

Вместе с тем необходимо приблизить стилистику к задаче объяснить практическое пользование языком. Об этом еще в 1929 г. писал проф. Г. О. Винокур, рассматривая стилистику как «науку о практическом применении идеальных возможностей собственного языка в зависимости от условий и намерений» [Винокур, 1929]. Представляется целесообразным разработать именно объяснительно-практический подход к научной речи, который на данном этапе будет способствовать притяжению фундаментальных общенаучных и частно-научных (функционально-стилистических) идей, методов и приемов объяснения научных фактов.

Имея в виду именно притяжение идей, приведем следующие примеры. В функциональной стилистике еще в 60-х годах XX в. — на основе исследований психолога И. П. Павлова — М. Н. Кожинной было высказано предположение о том, что тип мышления является одним из сильнодействующих стилеобразующих факторов. Это предположение было подтверждено в дальнейшем лингвистически (на материале научных текстов) М. Н. Кожинной и ее учениками, в частности Е. А. Юниной в кандидатской диссертации «Функционально-стилистический метод как критерий определения типов мышления» (Саратов, 1989).

В исследовании, имеющем по существу функционально-стилистический характер, идея синергетики о стабильных и хаотических явлениях в динамических системах позволила И. В. Самойловой дать интересный анализ маргинальных коммуникативных блоков в текстах целых научных произведений [Речевая индивидуальность ученого как фактор текстообразования. — Канд. дисс. — Пермь, 2008].

В свою очередь, развиваемые в функциональной стилистике положения об индивидуальности речи автора находят подтверждение в современных исследованиях по когнитивной лингвистике. См., например, идею о расширенном сознании, высказанную А. В. Кравченко вслед за А. Кларком и Д. Чалмерсом (1998): «Расширенное сознание — взгляд, в соответствии с которым сознание не заключено в тело, а ментальные состояния не определяются исключительно состояниями мозга. Внешние факторы играют существенную роль в определении ментальных состояний как результата согласований между средой и организмом; в этой системе сцеплений мозг, тело и мир вступают в *меняющиеся отношения взаимной каузальности*» [Кравченко, 2007:41] — отношения, опосредованно обосновывающие феномен речевой индивидуальности. Такая биокогнитивная концепция представления (менталь-

ных репрезентаций) позволяет по-новому подойти к пониманию сущности процессов, составляющих когнитивную способность человека. В рамках этой концепции, по мнению авторов, «речь следует вести о том, каким образом языковая деятельность интегрирована в когнитивную динамику человека как структурно детерминированной системы» [Там же]. Решение этой проблемы может послужить толчком к углубленному изучению речевой индивидуальности ученого.

Важно подчеркнуть, что этапы притяжения идей, методов, приемов, необходимых для разработки подходов к изучению предмета (в данном случае — предмета стилистики), последующего за тем становления концепции дисциплины, развертывания формируемой концепции, свидетельствуют о динамике научного знания, обусловленной развитием смежных областей науки в целом. Современные смежные с языкознанием направления обладают большой объяснительной энергией, а, в свою очередь, познавательная воля исследователей, направляющая эту энергию, на наш взгляд, позволит объединить синергетический, трансдисциплинарный, функционально-стилистический, дискурсивно-стилистический, категориально-стилистический и другие подходы.

Некоторые подходы к изучению научной речи

Синергетический (психосинергетический) подход. Речь/текст — это категориальный объект, характеризующийся системностью — качеством, возникающим в результате взаимодействия этого объекта с субъектом восприятия. В процессе взаимодействия субъекта и объекта — качественно разнородных структур — осуществляется самоорганизация новой системы — речи субъекта коммуникации. Здесь принципиально важна идея становления. «Становление — это выбор (пусть даже случайный) одного пути развития из конечного спектра возможных сценариев... взаимодействия элементов системы» [Волов, Китаев, 2005: 231 — 232].

Значит, благодаря силе разумной воли субъекта познавательной деятельности формируется относительно новая система — текст. Относительность новизны объясняется тем, что система включает старые, уже известные элементы и привлекает, притягивает новые, путь функционирования которых можно лишь предполагать. Действительно, нельзя же сказать, войдут ли они в общий фонд знания в качестве вполне упорядоченных элементов или останутся за пределами системы, пополнив достаточно хаотичную среду. Кроме того, важно учесть, что хотя субъекты познавательной деятельности имеют одни и те же психические свой-

ства, но обладают ими либо как существенными, либо как несущественными, даже случайными. В этом можно видеть причину различного влияния тех или иных свойств субъекта коммуникации на формирование текста. По-видимому, можно считать, что в силу именно психологических особенностей разные авторы «выдвигают» в качестве актуальных и оставляют периферийными различные языковые единицы и категории текста.

Синергетический подход дает возможность охватить текст во всем его объеме, поскольку позволяет не подвергать специальному изучению единицы, периферийные как для основного содержания конкретного текста, так и для научного функционального стиля речи. И тем не менее учитывать их при объяснении научного текста, причем не как негативные явления, а как совершенно естественные для него, хотя и выполняющие специфическую функцию в данном тексте. Мы разделяем мнение о том, что синергетический подход к изучению научных текстов имеет большую объяснительную силу [Сулименко, 2007:3], поэтому далее обратимся к изложению — хотя и лаконичному — своего понимания этого вопроса.

Комплексный (трансдисциплинарный) подход обусловлен взаимодействием разнопорядковых систем, изучаемых в рамках различных смежных наук и научных направлений: лингвистики, лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, психологии, психологии научного творчества, психологии понимания, теории научного познания, науковедения, истории наук и научных открытий, формальной и диалектической логики и др. Действительное взаимодействие разнопорядковых систем обеспечивается включением самого субъекта речи в парадигму научного мышления. Такое включение, в свою очередь, «привело к настоящей революции в понимании языка и общения на языке. Одним из завоеваний этой революции стала лингвистическая прагматика — наука об использовании языка в реальных процессах коммуникации» [Клюев, 2002:10]. Некоторые достижения в названных областях научного знания, объединенные нашим замыслом и целью объяснить те или иные речевые явления в научных текстах, способствуют созданию разнопланового (а хотелось бы — многомерного!) очерка стилистики научной речи.

Функционально-стилистический подход связан с изучением текстов, в которых зафиксирована научная речь, обеспечивающая письменную коммуникацию посредством научного функционального стиля в сфере научно-познавательной деятельности ученых. Поскольку функциональный стиль — это научное понятие, представляющее собой сложнейший конструкт, созданный специально для того, чтобы изучить «жизнь» языка в научно-коммуникативной сфере, то несомненно, что научный стиль проявляется в тек-

стах весьма вариативно. Вариативность, многообразие научных текстов объясняется их функцией обслуживания познавательнo-коммуникативной деятельности ученого, а значит, их приспособлением к этой деятельности. Такая зависимость научной речи от экстралингвистической действительности с неизбежностью влечет за собой поиск аргументативной базы не только внутри самой лингвистики, но и за ее пределами. В качестве дополнительного к функционально-стилистическому обоснованию стилистики научной речи мы рассматриваем дискурсивный анализ в разработке прежде всего отечественных ученых Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой и др., учитывая концепции французских, английских, американских ученых М. Фуко, Т. А. ван Дейка, Г. Кука и др., однако в трактовке, уточненной М. Н. Кожинoй, Е. А. Баженовой, В. Е. Чернявской, Н. Е. Сулименко и др.

В связи с этим введем некоторые ограничения к постановке вопросов, которые будут рассматриваться в учебном пособии.

1. Человек понимает не речь, не язык, а ту действительность, которая стоит за речью (Н. И. Жинкин). Научную речь можно трактовать как форму «сопротивления» действительности мысли, которая не только не зависит от формы, а даже сопротивляется «спокойному тождеству» с нею, пребывая в постоянных флуктуациях. Однако важно подчеркнуть, что эти флуктуации мысли все-таки представляют собой маргинальные явления, не нарушающие инвариантной стабильности функционирования языка в достаточно консервативной — по форме — сфере научной коммуникации. Консервативность же поддерживается преемственностью нового научного знания: и «сумасшедшие идеи» возникают на прочном фундаменте достигнутого знания, что требует экспликации связи старого и нового знания; в противном случае, как известно, новое знание не войдет в научный фонд, т. е. не будет развиваться, привлекая последователей. Именно преемственность, а также постепенность развития новых идей благодаря дополнительной их аргументации обеспечивают заполнение формально-логических «скачков» диалектическими связями тех или иных компонентов научного знания — «консервативных» и новых.

Естественно, что консервативность научной сферы коммуникации поддерживается в силу разных причин:

- языковые единицы, создаваемые для выражения нового знания, объединяются в достаточно устойчивую терминосистему текста;

- «строевые» элементы научного функционального стиля являются стереотипными;

- психологические свойства ученых характеризуются единством, а значит, повторяемостью проявления в процессе научного творчества.

В свою очередь динамический характер научного знания обеспечивается влиянием других, экстралингвистических, факторов:

- деятельная природа научного знания;
- открытость системы научного знания;
- определенная хаотичность мышления;
- та или иная степень как логичности, так и интуитивности индивидуального стиля мышления ученого.

Все эти компоненты научной творческой деятельности с неизбежностью требуют не только использования готовых, но и формирования новых языковых средств (в частности, терминов) и текстовых конструкций для реализации конструктивно-стилевых представлений автора о научном тексте.

2. Научный текст является средством коммуникации субъектов научной познавательной деятельности, причем «текст оказывается одновременно и результатом деятельности (автора), и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора)» [Валгина, 2003:8]. Как отмечает Н. С. Валгина, такая «двунаправленность текста: на автора-создателя и на воспринимающего текст читателя... рождает множество проблем при попытке охарактеризовать текст всесторонне» [Там же].

Мы ставим задачу рассмотреть текст лишь с одной стороны — со стороны создателя, понимаемого как субъект речи-мысли, или автора с присущим ему стилем речемыслительной (когнитивной) деятельности. Кажется, что только такой ракурс рассмотрения научного текста как носителя (выразителя) когнитивного стиля ученого и соответствует предмету стилистики научной речи (а не грамматики, не структуры текста, не герменевтики либо теории текста).

В монографии, посвященной специальному исследованию когнитивных стилей, психолог М. А. Холодная представляет описание десяти когнитивных стилей, отмечая при этом, что «познавательные стили — обоюдоострый познавательный инструмент» [Холодная, 2004:322]: сформированность лишь одного определенно-го стиля может превратить личность в «человека в футляре», зато богатство стилового репертуара приводит к значительному расширению интеллектуальных возможностей. Иначе говоря, «человек со сформированным персональным стилем (комплексом когнитивных стилей. — М. К.) владеет всем арсеналом средств, которые проявляются в зависимости от целей его деятельности и требований сложившейся ситуации» [Там же].

3. Несмотря на достаточно широкий информационный фон, относящийся к основаниям научного функционального стиля, текста, его смысловой структуры, вопрос о стилях изложения знания является одним из основных в развиваемой концепции стилистики научной речи.

Хотя «в современной зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около двух десятков различных когнитивных стилей» [Холодная, 2004:45], мы обращаемся к анализу воздействия фактора «когнитивный стиль» лишь контурно и фрагментарно, с акцентом на доминирующих особенностях — в силу неразработанности данной проблемы в стилистике научной речи.

4. Типологические признаки научных текстов как носителей стилей изложения научного знания проявляются в зависимости от различных экстралингвистических факторов, действующих отнюдь не пропорционально. Объяснение воздействия тех или иных факторов можно соотнести с выявлением специфики научного дискурса, учитывая при этом, что «дискурс не может быть сведен к (функциональному. — М. К.) стилю» [Степанов, 1995:41]. Научный дискурс требует полипарадигмального анализа [Алексеева, Мишланова, 2002] как многоаспектная коммуникативная деятельность в социально значимых условиях человеческого взаимодействия. Представляется, что функционально-стилистический подход, учитывающий более обобщающую экстралингвистическую основу на высоком уровне отвлечения (абстрагирования) от конкретных текстов, в единстве с дискурсивным анализом совокупности текстов позволит объяснить наличие определенных стилей изложения научного знания.

Деятельностный подход. При изучении смысловой структуры письменной научной речи, или научного текста, несомненно, необходимо учитывать и вовлекать в процесс исследования те явления, которые лежат в разных плоскостях действительности, т. е. не только речь (текст), но и внелингвистический контекст. При этом контекст понимается как комплекс существенных факторов, оказывающих систематическое влияние на формирование речи (текста).

В философии вычленяются три основных элемента деятельности, выступающих в структурной связи: «...субъект, наделенный активностью и направляющий ее на объекты или на других субъектов; объект, на который направлена активность субъекта (точнее — субъектов); сама эта активность, выражающаяся в том или ином способе владения объекта субъектом или в установлении субъектом коммуникативного взаимодействия с другими» [Каган, 1974:45 — 46].

Деятельность субъекта, первоначально всегда внешняя и практическая, затем приобретает форму внутренней деятельности сознания. Сознание человека, по мнению А. Н. Леонтьева, «это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связи отдельных его “единиц”, а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельно-

сти, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. *Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания* (курсив мой. — М. К.)» [Леонтьев, 1977:157]. Таким образом, деятельность присуща не только самому познавательному процессу, но уже основной его предпосылке — сознанию субъекта как специфически человеческому феномену.

Объект познания следует понимать также не «созерцательно», в статической форме, а отраженным в поле сознания субъекта в бесконечном процессе его познания. Имеющееся знание об объекте познания (содержательная предпосылка получения нового знания) становится «объектом активной исследовательской деятельности субъекта. Содержание знания само оказывается элементом деятельности» [Швырев, Юдин, 1980:22]. Пребывание объекта в состоянии бесконечного познания (познаваемости), а знания об объекте — постоянно изменяющемся позволяет распространить понятие деятельности на понимание знания как объекта познания, отраженного в сознании субъекта. Именно включенность знания об объекте в познание как деятельность позволяет считать знание необходимым в комплексе компонентов познавательно-коммуникативной деятельности субъекта.

Под инвариантным, а также эталонным, образцовым, текстом понимается не конкретный текст, а предпосылки к его созданию (языковое сознание, компетенция относительно научного текста), обусловленные практическим механизмом текстообразующей деятельности вообще, а также в пределах научного функционального стиля. Иначе говоря, имеется в виду способность субъекта к формированию научного текста и присущих ему специфических черт (обобщенно-отвлеченности, подчеркнутой логичности и др.) развертыванию его посредством различных композиционных приемов, реализуемых определенными языковыми средствами. Кстати, А. Н. Васильевой высказано интересное предположение (подкрепленное ссылками на некоторые наблюдения и обобщения отечественных и зарубежных исследователей) о том, что языковые, в том числе стилистические, средства «отпечатываются» в сознании, подчиняются каким-то динамическим комбинаторным моделям, имеющим инвариант и многочисленные варианты. И особенно важно то, что наличие их дает возможность относительно быстро и легко планировать высказывание (текст) в целом, заполняя матрицы целыми речевыми блоками [Васильева, 1983:6].

При этом особая полевая структура (в частности, наличие ядра и периферии) коммуникации и ее компонентов, отраженная в сознании субъекта, обеспечивает относительное единство построения научных текстов при их вариативности в определенных пределах.

В основе трактовки познавательного-коммуникативного поля лежат широко известные в языкознании концепции, разработанные относительно единиц разных уровней языковой системы (см. обзор литературы и библиографию в работах: [Шур, 1974; Бондарко, 1976, 1978, 1984; и др.]). В этих концепциях наиболее ценными для стилистики научной речи являются следующие характеристики поля, относящиеся к содержанию, структуре и функции интерпретируемых групп языковых единиц: 1) двусторонний характер поля, имеющего план содержания и план выражения; 2) инвариантность структуры смысловых компонентов поля, представленной общим значением, объединяющим два и более частных; 3) наличие ядра и периферии поля как в плане содержания, так и в плане выражения; 4) наличие общей семантической функции поля.

Полевой подход к изучению научного текста позволяет:

- соотнести принцип диффузности, нерасчлененности предмета и свойства, предмета и действия и т.д. с объяснительным принципом единства аналитико-синтезирующей познавательной деятельности;

- объединить связанное: так, например, все смысловые либо формальные компоненты пребывают в парадигматических и синтагматических связях;

- увидеть главное, актуальное для коммуникативного процесса в целом либо для отдельных составляющих этого процесса, и периферийное, но «жизненно» необходимое для формирования текста; при этом главное, ядерное активно функционирует, распространяя влияние на весь познавательный процесс (единичное, «точечное» проявление чего-либо не свидетельствует о принадлежности к ядру);

- выявить действие закона притяжения элементов, локализовать, собрать, объединить отдельные языковые явления на функционально-семантической основе; например, стилистико-текстовые категории формируются на основе грамматических функционально-семантических категорий, описанных в функциональной грамматике;

- выявить действие закона умножения количества и усиления качества познаваемых явлений;

- установить единство не только явных противоположностей, но и единство противоположностей относительных, асимметричных; например: не притяжение — отталкивание, но притяжение — рассеяние; не усиление — ослабление, но усиление одних компонентов — появление, возникновение других, слабых, компонентов;

- в целом актуализировать волю исследователя и определить зависимость полевой понятийной структуры от его точки зрения.

Познавательное-коммуникативное поле можно рассматривать как систему частных смыслов (представленных в научном тексте

субтекстами — особыми комплексами языковых и текстовых единиц; подробное описание концепции политекстуальности см.: [Баженова, 2001]; а) обусловленных познавательной деятельностью субъекта по отношению к объекту, зафиксированной в тексте как в статике, так и в динамике; б) различающихся эпистемическим (научно-познавательным) содержанием; в) на функциональной (эпистемической) основе объединяющих определенные совокупности единиц всех уровней языка; г) характеризующихся ядерно-периферийным принципом организации этих единиц.

Подходя к речевому познавательно-коммуникативному полю с позиций синтезирующей деятельности (комплексно), следует подчеркнуть, что его объединяет *эпистемическая функция* — выражение всеми использованными в тексте языковыми средствами именно научного знания. Рассматривая речевое поле научного текста аналитически, необходимо отметить, что языковые средства — при меньшей степени обобщения — имеют частные значения, на основании которых формируются частные поля (субтексты), функционирующие в познавательно-коммуникативном поле.

На определенном уровне обобщения реальных текстов (точнее, абстрагирования от них) отмечается инвариантность (наличие общего значения) тех или иных комплексов языковых и текстовых единиц. Как известно, задачей любой науки является установление общих свойств и функций групп элементов, что «приводит к возрастанию роли принципа инвариантности и категории поля, которое может рассматриваться как способ существования элементов, а принцип инвариантности — как гносеологический принцип» [Шур, 1974:176].

Наряду с принципом инвариантности поля необходимо подчеркнуть роль его функциональности. Благодаря принципу функциональности частные поля (субтексты) могут взаимодействовать не посредством жесткой связи всех элементов одного поля со всеми элементами другого поля, а посредством сопряжения отдельных элементов одного поля с отдельными же элементами другого поля либо с другой подструктурой в целом, т.е. могут выполнять общую функцию «своего» поля.

Для примера приведем выражение оценки собственной, авторской, концепции. Новизна данной концепции, эксплицированная в аннотации, предисловии или введении, может не подчеркиваться в основном тексте специальными средствами. Читатель же распространит эксплицированную оценку на концепцию в целом. Поскольку при изложении нового автор с необходимостью использует и старое, известное, знание, то общая оценка новизны, естественно, охватывает не все содержание текста, а лишь наиболее важные, ключевые положения. Однако оценка именно

ключевых положений (как новых) и распространяется на все познавательное-коммуникативное поле текста.

Познавательное-коммуникативное поле как исследовательский конструкт характеризуется ядерно-периферийной структурой. Как известно, ядро и периферия присущи также группам языковых элементов, объединенных в функционально-семантические поля, описанные в функциональной грамматике. Существенное отличие речевого поля от полей собственно языковой системы заключается в динамичности ядра речевого поля в связи с коммуникативной установкой автора. Динамичное ядро неизбежно реализуется посредством широкого выражения в тексте, в то время как менее динамичное — эксплицируется в меньшей мере.

Так, в жанре монографии обычно излагается новое для научного сообщества знание. Ядро поля оценки нового знания в плане достоверности в текстах этого жанра весьма динамично, поскольку может включать либо сомнение в достоверности, либо уверенность в его достоверности, либо убежденность, т.е. высшую степень уверенности. Ядро поля оценки в текстах традиционных учебников, в которых обычно фиксируется знание «устоявшееся», бесспорное, менее динамично и включает лишь констатацию факта как свидетельство высшей степени уверенности в достоверности знания. В соответствии с этим в учебниках употребляются преимущественно языковые единицы со значением констатации факта. Однако формирование в тексте познавательного-коммуникативного поля в соответствии с коммуникативной установкой автора тесно связаны с дифференциацией и взаимодействием функционально-стилистического и дискурсивного подходов к научному тексту. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Дискурсивно-стилистический подход. Обратимся к понятию *дискурс*. Признавая значительный вклад теории дискурса и дискурсивного анализа в исследование текста, тем не менее напомним, что многие положения, разработанные в рамках этого направления, были сформулированы и получили эмпирическое и теоретическое обоснование в функциональной стилистике.

Действительно, термин *дискурс* — начиная с 90-х гг. XX в. — стал обозначать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990:136 — 137], поскольку текст сохраняет связь с процессом его создания автором и ориентирован на восприятие его читателем. (Кстати, такая двунаправленность текста позволила В. А. Шаймиеву выявить два соотнесенных друг с другом признака научного текста — дискурсивность и метадискурсивность, причем последняя понимается как «лингвистическое проявление в тексте стремления автора обеспе-

чить адекватное восприятие читателем содержания текста научного произведения» — [Шаймиев, 2001:492].)

Согласимся с утверждением Е. О. Менджеричкой о том, что «термин “дискурс” в современной лингвистике приобрел множество новых интерпретаций ввиду его переосмысления в свете тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка». Вместе с тем благодаря когнитивному подходу, который является основой дискурсивного анализа, понятие *дискурс* позволяет «объединить, интегрировать различные аспекты лингвистического анализа с целью рассмотрения текста во всей его полноте и целостности» [Там же: 53].

В современной лингвистике утвердилось мнение, что «дискурс — более широкое понятие, чем текст» [Кибрик, Плунгян, 1997:307]. Текст является «детисем дискурса» (Е. С. Кубрякова) и представляет собой результат процесса письменной речи, завершенное произведение, рожденное в ходе дискурса и имеющее свои «коммуникативные векторы» [Каменская, 1990]. Отсюда ясно, что к исследованию и текста, и дискурса применимы (могут быть применены) общие подходы.

В связи с этим вполне можно принять мнение Т. В. Дроздовой о том, что «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Дроздова, 2003:66], что у этих двух понятий, наряду с противоположными свойствами, есть также ряд сходных характеристик, позволяющих применять отдельные положения дискурсивного анализа к анализу текста. К таким положениям прежде всего относится необходимость выхода за пределы самого письменного произведения.

Функциональная стилистика последовательно придерживалась этого важнейшего принципа на протяжении всей своей истории: и когда анализировались преимущественно дотекстовые единицы, и, тем более, когда центральным объектом исследования стал собственно текст, а не материал для извлечения и построения модели системы языка. Это говорит о том, что предметом исследования в функциональной стилистике фактически была и остается именно дискурсивная деятельность, зафиксированная («определенная») в тексте и понимаемая как речемыслительная деятельность, которая осуществляется средствами языка.

В связи с разделяемым нами именно таким пониманием основного принципа функциональной стилистики считаем не совсем логичным следующий вывод Ю. С. Степанова: «Дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, — в настоящее время уже не является адекватным» [Степанов, 1995:41]. Алогизм здесь очевиден: утверждению о предмете (дискурс и стиль различаются) противопоставляется оценка

(создание стилистики уже не является адекватным) — налицо подмена понятий.

На этом фоне отметим интересный подход Н. Е. Сулименко к разграничению основных понятий функциональной стилистики и дискурсного анализа — *функциональный стиль* и *дискурс*. Привлекательна ясность и убедительность трактовки основания, по которому дифференцируются эти понятия: «...понятие (дискурса) не отменяет понятие стиля ни онтологически, ни как исследовательского конструкта, определяющего принципы отбора и употребления языковых средств с учетом комплекса функциональных, социальных факторов. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что дискурс может быть выделен и описан по любому (а не только коммуникативному) основанию, имеющему значимость для человеческого поведения, культуры, жизни: медицинский дискурс, эмотивный дискурс, сентенционный дискурс, гендерный дискурс, поведенческий дискурс (животных и человека), экологический дискурс и т. д., которые напрямую не связываются ни с одним функциональным стилем» [Сулименко, 2007:95]. Такая трактовка понятий *функциональный стиль* и *дискурс* позволяет уточнить их логические отношения в качестве не просто дополнительности, но с учетом когнитивного и коммуникативного основания — как отношения пересечения и наложения.

Вопрос о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики впервые был поставлен и внимательно рассмотрен М. Н. Кожиной (2004). Не отождествляя этих направлений современной лингвистики, М. Н. Кожина в то же время подчеркивает, что они очень близки между собой, поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [Кожина, 2004:29]. Сходство дискурсивной теории (в ее французском варианте) с отечественной теорией функциональной стилистики заключается в наличии общих признаков ключевого понятия каждой из теорий. В литературе отмечается, что термин «дискурс» употреблялся первоначально, в 70-х годах XX в., В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром и др. в значении, близком термину функциональный стиль [Дроздова, 2003:64—65]. Как считает Е. А. Баженова, общность методологических принципов дискурсивного и функционально-стилистического анализа «может рассматриваться как основание для их объединения и исследования текста с позиций дискурсивно-стилистической парадигмы» [Баженова, 2005:320].

Дискурсивная составляющая этой парадигмы позволяет учесть структуру познавательной деятельности и ее результата — научного знания, а также структуру речевого акта с присущими ему признаками взаимодействия коммуникантов. Функционально-стилистическая составляющая позволяет выявить способы представления специфически научных смыслов, а также определить

языковые и текстовые единицы, специально употребляемые для выражения интеллектуальной информации.

В целом дискурсивно-стилистический подход к научному тексту связан с решением вопроса о том, каким образом различные познавательные-коммуникативные процессы (в их широком экстралингвистическом контексте) отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику. Можно сказать, что структурно-смысловый пейзаж текста формируется в единстве формы и содержания. Это значит, что многомерное содержание произведения обусловлено комплексом сильноточащих факторов и потому представляет собой типовую организацию текста, отражающую типовое содержание, подчиненное авторскому замыслу.

В работах по функциональной стилистике принимается за бесспорное следующее утверждение: адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные в результате взаимодействия с конкретным содержанием текста.

Это положение, одно из важнейших в концепции М. Н. Кожинной, развивается при моделировании и описании смысловой структуры целого научно-речевого произведения. «Первый уровень структуры представлен смыслом весьма высокой степени абстракции, который формируется благодаря воплощению в тексте таких общих свойств научного мышления, как отвлеченно-обобщенность, логичность, целостность. Второй уровень составляют собственно эпистемические явления, запечатлеваемые в содержательно-композиционной стороне текста, — эмпирический и теоретический этапы познавательной деятельности ученого, рациональный и интуитивный пути познания, формы знания как продукта познавательной деятельности и др. И лишь третий уровень, соотносящийся с более низкой степенью абстрагирования от конкретной эпистемической (научно-познавательной) ситуации представляет собой “реализацию авторского замысла”» [Салимовский, 2005:31]. Значит, третий уровень смысловой структуры научного текста связан с человеком, целенаправленно формирующим стиль изложения научного знания. В свою очередь, мысль исследователя, благодаря ее способности выявлять, анализировать, аргументировать, трактовать, сравнивать, объяснять и т. д., в одном и том же тексте найдет основания (и средства аргументации наличия этих оснований) постановки и решения проблем на разных уровнях абстрагирования.

Плодотворной представляется трактовка В. Е. Чернявской дискурса как лингвистической категории, открывающей новый тек-

стовый признак — его дискурсивность. Важно, что «дискурс — это принципиально открытая система, это совокупности тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов» [Чернявская, 2007:9]. При таком понимании вполне убедительным представляется обобщение автора: «... дискурс обозначает то коммуникативное пространство, в котором возможно взаимодействие определенных типов текста, следовательно, в сферу притяжения дискурса включается не одно коммуникативное событие, но целый их комплекс. Только и именно в дискурсе ясно, что такое завершенность отдельного текста, существующего внутри дискурса» [Там же]. Очевидно, что «дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства...» [Там же:8]. Это единство — дискурс — понимается как «рамка», соотносящая текст с определенными знаниями, моделями его создания и восприятия, а также с другими, тематически близкими текстами.

Таким образом, функционально-стилистический анализ научных текстов, их обобщенных свойств, а также характеристик, присущих текстам с типовым — научно-познавательным — содержанием, вполне может, а на данном этапе развития гуманитарной науки даже должен быть дополнен, углублен, расширен за счет дискурсивного анализа текста. Вместе с тем изучение текста, специально ориентированное на дискурсивный анализ, с учетом конкретных социальных и психологических особенностей автора, понимаемого как субъект познавательно-коммуникативной деятельности, также может быть дополнено, расширено, обобщено за счет функционально-стилистического анализа.

Категориальный подход. *Категория* — это научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности, представляющее собой одно из исходных понятий, которые не определяются через понятия лингвистической теории. Поэтому применительно к базовым строевым единицам языка лингвисты пользуются производными научными терминами «грамматическая категория», «морфологическая категория», «синтаксическая категория», которые конкретизируют понятие категории в отношении его содержания и формы, однако лишь в системно-структурном, а не функциональном аспекте исследования языка.

В современном языкознании активно разрабатывается ономаσιологический (от содержания к форме) аспект функционального подхода к изучению грамматических категорий. Именно такой подход оказался созвучным современной функциональной сти-

листке, поскольку он «стирает грани между уровнями языка, показывая, как средства разных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений» [Гак, 1985:14]. В рамках этого подхода важнейшую роль сыграли прежде всего исследования А. В. Бондарко, посвященные проблеме функционально-семантических полей. Система разноуровневых средств языка, объединенных на функционально-семантической основе, получила статус самостоятельного объекта — идеализированного, но сохраняющего связь с языковой реальностью. Этот объект имеет специфические свойства, структуру, функцию и т. п. и носит название *функционально-семантической категории* (ФСК). Акцент на структурном компоненте получил отражение в синонимичном термине «*функционально-семантическое поле*» (ФСП), закрепляющем ядерно-периферийную организацию объекта.

В функциональной грамматике ставится задача разработки проблем семантики, требующих внимания к различным аспектам системности. Речь идет о системном анализе семантических категорий и единиц, семантического содержания высказывания и целого текста. При таком подходе к фактам языка и речи, по мнению А. В. Бондарко, «функциональное направление лингвистических исследований по существу становится системно-функциональным... На современном этапе “движения по спирали” результаты семантических исследований требуют поисков нового в теории системности — системности, охватывающей всю сферу выражаемого содержания и его языковой интерпретации» [Бондарко, 2003:7, 9].

В функционально-стилистической разработке понятия категории термин «ФСП» интерпретируется в соответствии с расширением объекта исследования на основе реального функционирования языка — языковой системы в целом, т. е. с учетом реализации коммуникативной функции языка. Расширение объекта исследования сопровождается изменением трактовки терминов «функция», «функционирование». Это изменение зафиксировано посредством компонента «стилистическая» в номинации категорий — «*функциональная семантико-стилистическая категория*» (ФССК). Ориентация на другой компонент понятия приводит к существенной перестройке организующего принципа категории, связанной с «перемещением» познавательного фокуса от грамматического центра к коммуникативному.

Обобщенно можно сказать, что в функциональной стилистике та или иная ФССК понимается как функциональная система языковых средств (различных языковых уровней), связанных между собой в текстах определенной сферы общения на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, т. е. связанных функционально-стилистически.

Широта, неопределенность компонента «функциональный», входящего в понятие ФССК, позволяет изменять лингвистический ракурс рассмотрения категорий. Так, усиление коммуникативного, в частности текстологического, аспекта подчеркивается термином «текстовая категория». Этот аспект — на стыке функциональной стилистики и лингвистики текста — позволяет осуществить сдвиг фокуса внимания исследователя на конкретный текст (в отличие от типа текстов при функционально-стилистическом анализе), в котором наибольший удельный вес получают комбинаторика единиц с определенным значением и распределение (плотность) их на текстовом пространстве.

Содержание понятий ФССК и текстовой категории подвижно, динамично, «переливчато». И это объясняется не только разнообразием конкретного языкового материала, но и различием подходов к функционированию языка — с акцентом либо на структурно-семантической, либо на функционально-семантической, либо на коммуникативной стороне тех или иных единиц. Естественно поэтому, что ФССК считается категорией текстовой, однако особого типа. При этом исследователи аргументируют особое положение разрабатываемых категорий. Назовем некоторые категории.

Категория диалогичности [Кожина, 1986] понимается, с одной стороны, как фундаментальное свойство речи вообще, как всеобщий ее признак, речевая реализация коммуникативной функции языка. При таком самом широком понимании диалогичности в тексте «вся организация речи (речевая системность), все языковые ее средства реализуют диалогичность» [Там же]. С другой стороны, М. Н. Кожина рассматривает ее как текстовую категорию, поскольку в письменной (научной) речи формируются специальные средства и способы выражения мысли, выступающие в функции диалогичности. Наконец, автор называет и такой уровень выражения диалогичности в письменной речи, как отражение особенностей, черт собственно устного диалога (чужая речь, цитация).

Особое положение среди ФССК занимает *функциональная семантико-стилистическая категория акцентности* [Иванова, 1988]. Отличие связано с социолингвистическим пониманием термина «функция», с учетом экстралингвистической действительности.

На абстракцию весьма широкого характера (подобную коммуникативной функции языка) — понятие антропоцентризма языка — опирается также многоаспектная, многоуровневая, разномасштабная *категория «точка зрения»*. Эта категория (не только общелингвистическая, но и общечеловеческая), по В. Г. Байкову, есть «универсальная функционально-семантическая категория,

формы которой отмечены как антропогенные элементы языка в его строе и семантике..., а также содержатся в фоновых знаниях и используются во вторичных знаковых системах для достижения поэтического эффекта» [Байков, 1990:7].

Весьма своеобразное место в концептуальном пространстве когнитивных категорий занимает *категория аргументации* как «комплекс вербально реализованных когнитивных процедур обработки знания, приводящих к изменению его статуса в модели мира адресата» [Баранов, 1990:41]. Существенно, что, по наблюдениям А. Н. Баранова, аргументация — за исключением отдельных лексических единиц — не имеет языковых аналогов, непосредственно предназначенных для выражения аргументативных смыслов. Поэтому фактически можно учитывать лишь «совместность когнитивного содержания аргументации с планом содержания соответствующих языковых выражений» [Там же].

Несомненный интерес представляет категория, выдвинутая в современной стилистике художественной речи и получившая название «*стилистический эффект*», понимаемый как динамическая категория, которую по существу можно считать когнитивно-психологической стилистической категорией. Л. Г. Лузина подчеркивает, что стилистический эффект не может быть рассмотрен как свойство текста и не может быть понят сам по себе: «...эффект воздействия, как правило, связан с человеческими эмоциями, мыслительной деятельностью, человеческими установлениями, социокультурными нормами и другими явлениями, которые не имеют внутренне присущих им границ... Стилистический эффект в ситуации чтения объясняется, по-видимому, взаимодействием когнитивных и социально-психологических факторов» [Лузина, 1990:87].

По-видимому, стилистический эффект можно рассматривать именно в качестве функционально-стилистической категории, задающей программу когнитивно-речевой деятельности в разных сферах общения. Когнитивно-психологический характер этой категории позволяет соотнести ее, применительно к научной речи, с категорией понимания как «раскодирования» научных смыслов.

Различие подходов к изучению функционирования языка обусловлено активным сотрудничеством науки о языке с другими когнитивными науками, а также с общей теорией систем, общей теорией симметрии и др. Такое сотрудничество обогащает концептуальное содержание понятия «категория» в новом для лингвистики направлении.

Так, Н. Л. Мышкина посредством синтеза различных системных подходов разрабатывает комплексный многоаспектный метод исследования текста (на материале художественных произведений) как динамической системы — метод, включающий анализ

общетекстовых категорий и их функций. В концепции автора фундаментальной, сущностной текстовой категорией является *категория динамической системности*, по своей значимости для текста сопоставимая только с категорией предикативности — важнейшей в теории предложения. По мнению Н. Л. Мышкиной, описать динамическую системность — это значит описать движение системы в устойчивых и хаотических линиях развития. Такой подход обусловлен тем, что целесообразное поведение системы представляет собой лишь один из аспектов движения текстовой системы и, следовательно, категории динамической системности. Другую, не менее важную сторону этой сложной категории автор определяет как неупорядоченность текста, его хаотичность, асистемность [Мышкина, 1991:76 — 77].

Динамику содержания понятия «категория» можно представить так: единство значения и средств его выражения → единство функционального потенциала разнородных единиц (ФСП — в функциональной грамматике) в языке как системно-структурном образовании → единство функционального потенциала разнородных единиц (ФССК) в языке как системно-функциональном образовании → «текстовая категория» с определенной коммуникативной установкой → когнитивно-психологическая стилистическая категория → категория речевой системности → категория динамической системности ...

Содержание понятия «категория» обусловлено также значением компонента «функция», «функционирование», «среда функционирования» по отношению к субстанции категории, различаемой как языковая единица → предложение как наименьшая коммуникативная единица языковой системы → высказывание как наименьшая коммуникативная единица речи → текст (фиксированная речь) как сложноорганизованная коммуникативная система → сфера коммуникативной деятельности.

Выявляя пути разработки, изменения содержания понятия «категория», мы ясно видим стремление исследователей не только к расширению содержания, но и к его теоретическому осмыслению. Как пишет Н. К. Рябцева, «этот процесс трехступенчат: число однородных изучаемых объектов (явлений) ситуаций принимается бесконечным (экстраполяция); это множество трактуется как единство (обобщение); такое мыслимое единство наделяется свойствами класса и подкласса (абстрагирование) от нерелевантных свойств» [Рябцева, 1989:248]. Переход от эмпирического понятия к теоретическому отражается в терминах, в частности: 1) грамматическая категория лица/числа/рода.; 2) функционально-семантическая категория локальности/темпоральности/аспектуальности.; 3) функциональная семантико-стилистическая категория диалогичности/акцентности/гипотетичности.; 4) динами-

ческая интерактивная категория «стилистический эффект»...; 5) категория динамической системности...

Последняя, несомненно, как бы не «вписывается» в плавное движение к теоретизации, поскольку экстраполяция, обобщение и абстрагирование здесь совершают «скачок», «вырываются» в весьма объемное когнитивное пространство. Представляется, однако, что именно такой дискретный ряд частных категорий, закрепленных в данных терминах, свидетельствует о развитии, естественно, не всегда логически четком, содержания понятия «категория».

Существенно подчеркнуть, что при синтезе содержания понятия «категория» проявляются два противоположно направленных процесса — интеграция и дифференциация. Интеграция в данном случае заключается в том, что для уточнения содержания категории мы обращаемся к данным не только традиционной лингвистики, но и опираемся (т.е. используем в качестве фонового знания) на философские представления о категории. Дифференциация же проявляется в приспособлении этих представлений к функционально-стилевой специфике языкового материала.

Итак, термин «категория» сохраняет основной признак — композитивность, что отвечает композитивности целого текста. Текст как целостное речевое произведение формируется и существует как некая композиция языковых единиц — результат речевого развертывания мысли говорящего, направленной на решение его внеречевой задачи.

Основу для категориально-стилистического анализа текста предоставила лингвистика с ее вниманием к глобальным категориям текстообразования: целостности (когерентности), связности (когезии), завершенности, отдельности, которые в совокупности образуют грамматику текста, а также категории информации, сопоставимой с семантикой текста. Эта проблематика нашла отражение в работах И. В. Арнольд, М. П. Брандес, И. Р. Гальперина, О. И. Москальской, Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс и др. Особенно большой научный интерес вызвала монография И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», в которой поставлена задача описать интуитивно осознаваемые признаки текста, возвести их в ранг категорий и показать их взаимообусловленность. Монография высветила общую неразработанность поставленной масштабной задачи и вызвала критическое осмысление проблем текстового структурирования [Новиков, 1983].

В дальнейшем на этой базе возникают более строгие классификации текстовых категорий: З. Я. Тураева дает их истолкование как понятийных универсалий, предлагает деление категорий на структурные и содержательные, утверждает двуплановый (с планом выражения и планом содержания) характер каждой категории, рассматривает средства их выражения [Тураева, 1994]. Ста-

новлению категориально-текстовой концепции способствовало понимание Е. В. Сидоровым текста как совокупности системно-деятельностных текстовых категорий [Сидоров, 1986]. Нельзя не согласиться с Т. В. Матвеевой в том, что «акцент на деятельностной стороне текста и его категорий принципиально меняет характер текстового анализа» [Матвеева, 1997:189] и приводит к осмыслению текстовой категории как объективного свойства текста.

Данный подход в области лингвистики текста вполне согласуется с категориально-стилистической трактовкой текста, сформировавшейся в пределах функциональной стилистики к концу восьмидесятых годов. К этому времени М. Н. Кожинной обосновано теоретическое понятие «функционально-семантической стилистической категории» (ФССК) в его сходстве и различии со смежными понятиями «функционально-семантическая категория» и «текстовая категория» [Кожина, 1987, 1989]. С учетом экстралингвистических стилеобразующих факторов, в том числе познавательно-коммуникативной деятельности ученого, разрабатывается ряд категорий: ФССК преемственности и формирования знания [Баженова, 1987], акцентности [Иванова, 1988], гипотетичности [Бедрина, 1993] и др. Доказано, что на категориальной основе могут решаться вопросы текстового отражения мыслительной деятельности автора текста.

Усилиями многих ученых утверждается категориально-стилистическое представление текста как единицы общения. Почти все категории: категория субъектности (субъекта речи, авторизации), оценочности, тональности (текстовой модальности, субъективной модальности), текстового пространства и времени, темы, композиции, адресата — получили функционально-стилевую интерпретацию.

По мнению Т. В. Матвеевой, внесшей значительный вклад в разработку текстовых категорий в аспекте функциональных стилей, «это направление, безусловно, получит дальнейшее развитие» [Матвеева, 1997:190]. Прежде всего необходим учет следующих четырех факторов: 1) отбор элементов категории из общезыкового и общеречевого фонда; 2) частотная представленность отобранных элементов; 3) их комбинаторика; 4) размещение относительно композиционных частей целого текста. Кроме того, должна учитываться структурная типология текстовых категорий, опирающаяся на степень сложности элементов и характер их взаимосвязи. Элементом категории может выступать как минимальная двуплановая единица языка/речи (слово, морфема и др.), так и более сложная единица, вплоть до микротекста (заголовки, введение и др.). Т. В. Матвеева предлагает различать три структурных типа категорий: 1) линейные, представляемые в тексте последо-

вательным рядом однотипных языковых единиц; 2) полевые, представляемые неравномерно распределенным в тексте набором языковых средств разных уровней; 3) объемные, элементами которых выступают речевые структуры различного рода [Матвеева, 1990, 1992 и др.].

В настоящее время число выделяемых категорий велико и постепенно умножается. В связи с разными подходами к изучению и интерпретации свойств текста в качестве категорий, а также различной степенью разработанности тех или иных категорий пока невозможно представить единый алгоритм их анализа. Этим обусловлена неизбежная фрагментарность описания рассмотренных ниже категорий (см. главу 4).

Задачи стилистики научной речи

Ограничение круга задач стилистики научной речи соотносится с их отбором. Рассмотренные выше подходы к изучению научной речи позволяют сформировать проблемное поле дисциплины, акцентируя первостепенные (ядерные) задачи, которые должны быть конструктивно решены с учетом современного состояния научного знания в области именно функциональной стилистики русского языка. К ним относятся прежде всего определение статуса и специфики научного функционального стиля. Найденный еще в 60-х годах XX в. путь решения этой задачи оказался весьма перспективным благодаря выдвигению и разработке принципа единства лингвистического и экстралингвистического в речи, а также определению комплекса экстралингвистических стилиобразующих факторов, наконец, лингвостатистической обработке обширного текстового материала по «методу срезов» [Кожина, 1968, 1970] в отношении лексико-грамматических и морфологических характеристик текстов, представляющих научный стиль речи.

Надо сказать, что наиболее яркая, очевидная особенность научной речи — употребление терминов — сначала привлекла внимание не лингвистов, а ученых в области естественных наук. Из наблюдений над формированием терминов появилось и бурно развилось особое научное направление — терминоведение (см. литературу вопроса: [Татаринов, 1906; Лейчик, 1990; Алексеева 1998] и др.), посвященное проблемам становления и развития частных терминосистем. Это направление тесно связано со смежным — языком для специальных целей (В. М. Лейчик, А. И. Комарова и др.).

Можно считать, что описание научного стиля на современном теоретическом фундаменте выполнено: определен предмет дис-

циплины, дана характеристика основных лингвистических параметров научных текстов (языковых единиц разных уровней, функционально-семантических и текстовых категорий). Все это зафиксировано в литературе (чем и обусловлен достаточно объемный библиографический список, приведенный в учебном пособии). Для ознакомления с историей формирования стилистики научной речи представлен очерк «Стилистика научной речи в XX веке» (см. главу 2).

Вместе с тем становление и развитие ряда наук, сформировавшихся в результате дифференциации и интеграции научного знания, привели к расширению проблемного поля стилистики научной речи за счет, может быть, факультативных, периферийных задач (по отношению к основной), тем не менее весьма важных для дальнейшего изучения научной речи. Так, деятельностный подход к научному тексту, основанный на эпистемической трактовке его типового содержания — знания как продукта научно-познавательной деятельности, позволил выявить минимальную единицу смысла — эпистемическую ситуацию [Котюрова, 1988]. Естественно, что практическая задача обучения научному стилю речи неизбежно требует сформировать «гардероб» для презентации этой единицы в научном тексте [Баженова, 2001].

Научной речи присущи такие специфические свойства, как отвлеченно-обобщенность, диалогичность, гипотетичность и др. [Кожина, 1970; 1986 и др.]. В предварительном плане выявлено большое количество (около двадцати) смысловых, структурных, композиционных особенностей научной речи (текстов); эти особенности рассмотрены в литературе с разной степенью полноты и с различных теоретических позиций — в силу необычайной сложности экстралингвистической основы научной речи. Отбор характеристик научной речи с целью описания в данном пособии осуществлен с учетом доступной для студентов литературы по данному вопросу; в частности, в учебнике М. Н. Кожинной «Стилистика русского языка» (издание четвертое. — М., 2008) превосходно рассмотрены отвлеченно-обобщенность и понятийность научной речи. Поэтому в «Стилистике научной речи» этот вопрос минимизирован и предпочтение отдано связности, логичности, точности речи и плотности содержания научного текста (см. главу 4).

Стилистика научной речи строится на основе некоторых взаимосвязанных положений таких областей знания, как синергетика, эпистемология, психология, лингвистика, функциональная стилистика, а также психология научного творчества, когнитивная лингвистика, лингвистика текста и другие смежные научные направления.

Такая познавательная ситуация обуславливает (и обеспечивает) не только описательный, но и объяснительный характер этой

дисциплины. Причем описательно-лингвистический компонент стилистики неизбежно дополняется, сопровождается объяснением особенностей того или иного стиля изложения — объяснением по возможности все более углубленным по мере проникновения в познавательные тайны содержания речи, а также когнитивный (познавательный) стиль ученого как автора текста.

Объяснительный компонент стилистики простирается до индивидуального стиля речи автора-ученого. Целый ряд работ, посвященных вопросу об индивидуальных особенностях письменной научной речи (А. С. Архангельская, М. М. Ляховицер, О. Э. Мандельштам, Р. К. Терешкина и др.), говорит о том, что в научных текстах с необходимостью используются такие языковые единицы, которые соответствуют стремлению воздействовать на читателя. Тем не менее в научной речи эти экспрессивные элементы являются сугубо вариативными и не составляют ее категориальной инвариантной основы [Комарова, 2004:56], хотя, несомненно, придают особый колорит тексту, в определенной мере выражая индивидуальность мышления и речи ученого.

Речевая индивидуальность ученого действительно проявляется в научных текстах, причем в пределах научного функционального стиля, т. е. в отношении типичных стилевых черт, но либо в сторону их усиления, либо в сторону ослабления. Дискурсивно-стилистический подход к проблеме речевой индивидуальности ученого предполагает ее решение посредством изучения особенностей научных текстов, связанных с выражением доминирующих текстовых категорий.

Актуальность практической задачи овладения научным стилем изложения, а также отсутствие технологии формирования такого стиля речи, который соответствовал бы определенному научному содержанию, обуславливают наше обращение к разработке комплексного объяснительного подхода к редактированию научных текстов (см. главу 6), т. е. их совершенствованию самим автором или профессиональным редактором при подготовке к публикации. Эта глава имеет целью посылить содействовать воспитанию «речевой чувствительности» автора, редактора, читателя текстов научных трудов.